

УДК 340.1

ЕЩЕ РАЗ О ПРАВЕ И НЕПРАВЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ НАЗЫВАЕТСЯ ПРАВОВОЙ

© 2020 г. А. В. Малько^{1, *}, В. В. Трофимов^{2, **}, В. А. Затонский^{3, ***}

¹Поволжский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции, г. Саратов

²Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

³Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук

*E-mail: alex25-58@mail.ru

**E-mail: iptgutv@mail.ru

***E-mail: zatonsky-va@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

Аннотация. В статье обосновывается эвристическое значение для науки теории права категории «правовая жизнь». Раскрывается объем понятия «правовая жизнь», которое, в отличие от многих иных претендующих на статус правовых категорий (как, например, «правовая система»), реально и достоверно позволяет охватывать весь мыслимый комплекс статических и динамических правовых явлений, в т.ч. разнополюсные правовые явления, имеющие не только положительный, но и отрицательный показатели. Устанавливается, что в рамках правовой жизни существуют как позитивные, правомерные (право), так и негативные, неправомерные (неправо) правовые явления, представления о которых в сумме дают полное понимание картины бытия права, законов движения и саморазвития феномена «правовое».

Ключевые слова: правовая жизнь, общество, юридическая наука, доктрина, правовая система, право, позитивные правовые явления, неправо, негативное право, правомерное, неправомерное, правопослушание, правонарушение.

Цитирование: Малько А.В., Трофимов В.В., Затонский В.А. Еще раз о праве и неправе, или почему правовая жизнь называется правовой // Государство и право. 2020. № 10. С. 55–66.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00726.

DOI: 10.31857/S102694520012231-5

ONCE AGAIN ABOUT LAW AND WRONG, OR WHY LEGAL LIFE IS CALLED LEGAL

© 2020 A. V. Mal'ko^{1, *}, V. V. Trofimov^{2, **}, V. A. Zatonsky^{3, ***}

¹Volga region Institute (branch) All-Russian state University of justice, Saratov

²Derzhavin Tambov state University

³Saratov branch at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

*E-mail: alex25-58@mail.ru

**E-mail: iptgutv@mail.ru

***E-mail: zatonsky-va@yandex.ru

Received 15.06.2020

Abstract. The heuristic value for the science of the theory of law of the category “legal life” is substantiated. The volume of the limiting concept of legal life is revealed, which, unlike many other claiming to the status of “marginal” legal categories (such as the «legal system»), realistically and reliably allows covering the entire conceivable complex of static and dynamic legal phenomena, including different – polar legal phenomena that have not only positive, but also negative indicators. It is established that in the framework of legal life there are both positive, legitimate (law), and negative, unlawful (wrong) legal phenomena, the ideas about which in total give a full understanding of the picture of the existence of law, the laws of movement and self-development of the phenomenon of “legal”.

Key words: legal life, society, legal science, doctrine, legal system, law, positive legal phenomena, unlaw, negative law, lawful, unlawful, law obedience, law violations.

For citation: Mal'ko, A.V., Trofimov, V.V., Zatonsky, V.A. (2020). Once again about law and wrong, or why legal life is called legal // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 55–66.

The research was carried out with the financial support of the RFBR as part of the research project No. 19-011-00726.

Как бы ни оценивалось состояние современного российского общества, ясно одно – наше общество уже совсем не то, каким оно было в недавнем прошлом, всего лишь два десятилетия назад. Совершенно ли оно, на том ли оно уровне, каким мы все хотели бы его видеть? Конечно же, нет. Но в нем есть то, чего не было по историческим меркам совсем недавно, – внутренний механизм развития и самосовершенствования: имеющая определенный запас прочности свободная рыночная экономика (удерживаемая в «рамках» необходимым и достаточным государственным регулированием), идеологическое и политическое многообразие, возможность свободно выражать свои взгляды, давать оценки деятельности властных структур и отдельных должностных лиц, разделение властей и т.д. Иными словами, мы имеем то, что позволяет называть российское общество системой открытого типа, способной к саморазвитию и воспроизводству ключевых структурных институтов.

Насколько данный механизм эффективен, – вопрос, который нас в данном исследовании интересует не в первую очередь, не напрямую, а опосредованно. Главное в том, что общество имеет внутренний потенциал прогрессивного развития. Первостепенный по своей значимости вопрос заключается в том, как сделать данный механизм действенным и результативным. И прежде всего, что должна внести в решение этой задачи юридическая наука (правовая доктрина), каким образом она может повлиять на один из основных компонентов механизма общественного развития и самосовершенствования – правовую систему, а через это – на достижение оптимального качества всех сторон социальной жизни.

Не ошибемся, если предположим, что на данный вопрос, заданный напрямую, получим ответ: юридическая наука, как и любая иная, должна выработать практические рекомендации, направленные на развитие общества. И это правильно,

если не учитывать, что такого рода рекомендации должны быть научно обоснованными, опираться на отвечающую требованиям времени теорию, доктрину, в наибольшей степени обеспечивающую внутренний потенциал развития и самосовершенствования общества.

Принципиально новая, более сложная социально-правовая действительность нуждается в юридической доктрине, которая и станет ответом теоретико-правовой науки на вызовы времени, поможет адаптировать механизм общественного развития и самосовершенствования к постоянно усложняющимся социально-правовым реалиям.

Реально существующая юридическая доктрина, которой придерживаются в своих исследованиях многие юристы-теоретики, базируется на схеме «право → правовая система», где право – первичный, отправной, изначальный пункт, а правовая система – конечный, самый общий, включающий в себя все правовые процессы и явления современного общества.

Такой подход в отечественной юридической науке сформировался к концу 1970 – началу 1980-х гг. Детальное теоретическое осмысление и обоснование он получил в коллективной монографии о правовой системе социализма¹. В.Н. Кудрявцев, А.М. Васильев и В.П. Казимирчук – авторы первой главы этой монографии – объяснили основание введения в науку категории «правовая система» тем, что «в юридической науке сложилась ситуация, когда аналитические разработки в праве перешагнули через наличные теории (ведь понятие, по существу, есть развивающаяся теория). Поскольку же наличный аналитический материал уже не укладывается в существующие теории, потребность синтеза необходимо ведет к новой теории

¹ См.: Правовая система социализма: в 2 кн. / под ред. А.М. Васильева. Кн. 1: Понятие, структура, социальные связи. М., 1986; кн. 2: Функционирование и развитие. М., 1987.

(понятию), более адекватно обобщающей данные анализа». Был сделан вывод о том, что ответом на сложившуюся ситуацию может быть концепция правовой системы².

Данный вывод соответствовал духу того времени. Это сейчас, в условиях идеологического и политического многообразия, все более очевидным становится ограниченность выработанной в 70–80-е годы XX в. юридической доктрины, которая, к сожалению, и сегодня остается путеводной звездой для значительной части юристов-теоретиков.

В чем же состоит ограниченность существующей юридической доктрины, и почему она нуждается в корректировке?

Базовой, исходной точкой для ответа на данные вопросы является понимание сущности и соотношения категорий «право» и «правовое» (явление, пространство, поле, сфера, жизнь, поведение и т.п.), «право» и «неправо». Иначе говоря, для соответствующего действительности понимания права и правовой системы принципиально важно установить пределы, границы того пространства, в котором действует собственно право (правовые нормы), а где — иные правила, существующие в обществе. Нужно точно представлять, где кончается правовая сфера и начинается неюридическое (неправовое) пространство³.

Что касается права, то здесь все более или менее ясно. Многие ученые определяют право как систему норм, создаваемых (санкционируемых) и обеспечиваемых государством, выражающих общественные, классовые, национальные и т.п. интересы и регулирующих поведение людей в соответствии с закрепившимися в данном обществе устоями социально-политической, экономической и духовной жизни⁴.

Получается, что в современной отечественной юридической науке сущность и социальная значимость права видится в его исходной правильности, безупречности, предустановленности выражать «должное» как ориентир правильного поведения в обществе, в его первичной, изначальной

направленности на служение людям, удовлетворение потребностей как всего общества в целом, так и каждого гражданина. В весьма существенной степени подобная трактовка сущности и социального назначения права присутствует и в трудах авторов данной статьи.

Наши же расхождения с другими авторами возникают тогда, когда указанное выше в целом верное понимание права механически переносится на многообразную по своей внутренней природе жизнь общества, его юридическую сферу, в результате чего выходит, что правовое поведение, юридическая деятельность, правовая жизнь — это во всех случаях феномены правомерные, законные, основанные на уважении к праву и законодательству, осознанном согласии с его принципами⁵.

«Оригинальную» точку зрения формулирует известный криминолог П.Н. Панченко. Он пишет, что «в рамках широкого подхода в принципе любое поведение может рассматриваться как контролируемое правом, а следовательно, оно всегда должно признаваться правовым. Другое дело, что основная часть такого поведения является правомерным, а остальная — неправомерным. Первая — в правовом поле, вторая — вне его»⁶. Вот так и получается «нелогичная логика»: любое поведение «должно признаваться правовым», но одна часть находится в правовом поле, а другая — вне его.

Интересно заметить, что появились авторы, которые термин «правовое» используют в названии своих работ, а в содержании, стремясь избежать решения спорных вопросов (в нашем случае — о составе правового поведения), вместо попытки анализа проблемы просто затушевывают ее, используя вместо понятия «правовое поведение» словосочетание «юридически значимое поведение». Это сделано, как поясняет один из таких авторов, «с целью недопущения двоякого толкования поведения, имеющего юридическое значение»⁷. Как будто в результате замены спорного понятия другим, но равнозначным первому проблема различных трактовок правового поведения сама собой исчезнет. Тогда зачем в названии монографии использовано понятие

² См.: Правовая система социализма. Кн. 1. С. 32.

³ См.: Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. М., 2000. С. 36; Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 112.

⁴ См., напр.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. 4-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 139; Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 230; Цыбулевская О.И. Право и правовая система // Общая теория государства и права: учеб. / под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой. Саратов, 2018. С. 86–89; Суслин Э.В., Рыбин Д.В. Теория государства и права: учеб. пособие. СПб., 2018. С. 94–96; Шабуров А.С., Жайкбаев Ж.С. Теория государства и права: учеб. пособие. Курган, 2019. С. 144.

⁵ См.: Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. С. 61; Тепляшин И.В. Становление российской правовой государственности и правовая активность граждан // Журнал рос. права. 2002. № 1. С. 39; Скоробогатов А.В., Краснов В.А. Правовое поведение как феномен правовой реальности // Правовая культура. 2017. № 1 (28). С. 25–35.

⁶ Панченко П.Н. Правовое поведение в условиях правового государства и распространенные ошибки и нарушения, допускаемые при применении в отношении закона // Право и государство: теория и практика. 2012. № 7 (91). С. 8.

⁷ Морозов А.С. Правовое и религиозное поведение в пенитенциарной сфере: теоретический аспект. Новокузнецк, 2018. С. 20.

«правовое поведение», если автор и не собирался его анализировать? Если количество авторов, занимающихся подобной понятийной эквилибристикой, будет расти, то отечественную теоретико-правовую науку ждет не совсем благоприятное будущее.

Вряд ли указанные позиции могут быть признаны соответствующими реальной структуре правового общественного пространства. В жизни общества имеют место самые разные ее проявления. Определенная часть социальных субъектов живет и действует правомерно, правопослушно; другая часть нарушает сложившийся правопорядок, не соблюдает действующее законодательство; третья часть субъектов, не нарушая правовых установлений, ведет аморальный образ жизни, игнорируя в своем поведении этические нормы, отвергая моральные устои данного социума, и т.д. Для формирования адекватной протекающим в обществе процессам и складывающимся в нем отношениям юридической доктрины принципиально важно выяснить, какие из общественных связей и отношений являются правовыми, а что в обществе не имеет отношения к праву.

Нельзя сказать, что данный вопрос в качестве исследовательской задачи ставится впервые. Мы уже не раз поднимали его в научных публикациях⁸. Однако периодически появляются труды, в которых отстаивается охарактеризованный выше традиционный, но не соответствующий современному состоянию общества и научным тенденциям (к познанию феномена «сложного») подход⁹.

⁸ См.: Малько А.В., Затонский В.А. «Правовая жизнь и «правовая система»: соотношение понятий // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 6–20; Затонский В.А., Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: опыт теоретического осмысления // Правоведение. 2006. № 4. С. 4–17; Трофимов В.В. О методологическом потенциале категорий «правовая жизнь» и «правовая система» // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 20–31; Малько А.В., Трофимов В.В. «Правовая жизнь» в категориальном строе юриспруденции: проблемы введения и некоторые методологические аспекты исследования // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 4. С. 8–18; Их же. Правовая жизнь общества как объект теории права (к постановке проблемы) // Государство и право. 2017. № 5. С. 39–50; Их же. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации. М., 2018; Затонский В.А. Правовая политика, правовая жизнь и проблема уяснения правового и неправового в поведении социальных субъектов // Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики / под ред. А.В. Малько. М., 2016. С. 25–46.

⁹ См., напр.: Баранов В.М. Теневое право как антиюридическая жизнь // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. 2014. № 4 (28). С. 9–21; Асланян Н.П. Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы // Известия Иркутской гос. экономической академии. 2012. № 5. С. 100–108; Личман Б.В. Многоконцептуальность методологии российской юриспруденции // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 2. С. 60–67; Черных Е.Н. Категория «правовая жизнь»: вопросы методологии // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 8–15.

В отечественной юридической науке продолжает существовать ограниченно-упрощенный, одномерный анализ правовой реальности, которая якобы состоит только из позитивных, положительных, соответствующих правовым нормам явлений. И только такие явления будто бы могут считаться правовыми. Но такой подход, на наш взгляд, не может считаться верным. А потому необходимы дальнейшие усилия, направленные на обоснование сложной природы правового регулирования.

Сторонники подхода, согласно которому «правомерное» и «правовое» — равнозначные понятия, не видят истинной сущности правового воздействия на общественные отношения и тем самым заведомо обедняют гносеологические и методологические задачи юридической науки, поскольку множество проблем, таких как, например, проблема формирования и действия права, не могут быть исследованы без выхода за пределы упорядоченного, правомерного социального поля¹⁰.

В связи с этим нужно прежде всего выяснить содержание и соотношение категорий «право» и «неправо», иными словами, определиться в том, что представляет собой «неправо» — «негативное право»¹¹ (негативное, но право) или «то, что не есть право»¹².

Категорию «неправо» ввел в научный оборот Г.В.Ф. Гегель в своем труде «Философия права». Данное понятие он использовал для обозначения особенной воли, демонстрирующей произвол и обособленность индивида от всеобщей воли и всеобщего права, под которым философ понимал естественное право.

Гегель рассматривал три формы неправа¹³:

1) *непреднамеренное (простодушное) неправо* — явление правовое, «носителями» которого являются субъекты, не обладающие достаточно развитым правосознанием, наивные, не способные обнаружить разницу между правомерным и противоправным поведением. Их воля полностью определяется частными интересами. Данные субъекты считают, что совершая деяния, влекущие порой тяжкие последствия, они не заслуживают наказания, поскольку не хотели нарушить право.

¹⁰ См.: Шундигов К.В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 44.

¹¹ Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2001. № 5. С. 14–20.

¹² Самигуллин В.К. Право и неправо // Государство и право. 2002. № 3. С. 5–8.

¹³ См. подр.: Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост.: Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц. М., 1990. С. 139–145; Бачинин В.А. Указ. соч. С. 14–20.

Такого рода явления Гегель называл правовыми коллизиями;

2) *обман* — действия одних субъектов, направленные на создание видимости права для других. В отношении обманываемого создаются при этом условия, которые заставляют его поверить, что с ним поступают правомерно, хотя в реальности это не так. Обман — это правонарушение, поэтому он влечет наказание;

3) *принуждение и преступление*. Эту форму Гегель называл «подлинным неправом», поскольку в нем «не уважаются ни право в себе, ни право, каким оно мне кажется, в котором, следовательно, нарушены обе стороны, объективная и субъективная»¹⁴. Тем не менее преступление сохраняет качество правового явления, в котором, как пояснял философ, «именно право как абсолютное не может быть снято, следовательно, проявление преступления ничтожно в себе, и эта ничтожность есть сущность преступного действия». И еще: «Действительное право есть снятие этого нарушения (преступления. — *Авт.*), именно этим снятием (привлечением виновного к ответственности. — *Авт.*) право показывает свою действительность и утверждает себя как необходимое опосредованное наличное бытие»¹⁵.

Таким образом, по Гегелю, как право, так и неправое представляют собой явления единого характера — юридического. Неправо — это тоже право, только негативное.

Опираясь на вышеизложенные позиции, можно сформировать нашу позицию по вопросу о том, каковы пределы правового пространства, где оно начинается и где заканчивается.

Правовое пространство появляется в обществе в тот момент, когда начинают действовать нормы права, запускается механизм правового регулирования общественных отношений, присутствует регламентация степени юридической свободы, действуют процедуры определения правомерного и противоправного, законного и противозаконного. Выходит, что юридическая часть общественной жизни — это все пространство бытия права, жизни и деятельности различных субъектов со всеми положительными и отрицательными, т.е. противоправными, незаконными, но по своей сути также правовыми поведенческими проявлениями. Указанные проявления по своей природе и направленности различны (как, например, поведение, соответствующее законодательству, и нарушающее его). Тем не менее по своему характеру все эти проявления правовые и являются компонентами

юридического пространства, составными частями правовой среды.

Данные выводы подтверждаются также имеющимися теоретическими разработками. Так, В.Н. Кудрявцев справедливо указывал, что «основное различие в рамках правового поведения — это различие между поведением правомерным и неправомерным, противоправным... <...>. Так как правовое поведение имеет две полярные разновидности, то и сама ответственность складывается из двух аспектов: позитивного и негативного»¹⁶. Подобная позиция все чаще появляется в научных и учебных публикациях¹⁷.

Думается, вовсе не случайно поведение, нарушающее нормы права, называют правовым. Ведь в противоправном поведении так же, как и в правомерном проявляется регулятивная функция права, его роль как регулятора общественных отношений, фиксирующего юридический характер деятельности субъектов. В данном случае мы видим разницу между «правом в себе» (статической его стороной) и правом действующим, «правом для жизни» (динамической стороной). Именно динамизм права позволяет ему действовать, работать, обеспечивать развитие общества. При этом вряд ли кто-либо сможет оспорить то, что социальная практика, повседневная реальная жизнь общества не свободна от разнообразных негативных явлений, а зачастую и сама их порождает.

В научной литературе существует точка зрения, согласно которой правовое социальное пространство — это сфера отношений нормальных и цивилизованных, что данное пространство обрывается там, где начинаются противоправные явления¹⁸.

Если согласиться с данным положением, то получится, что право в качестве объекта регулирования имеет только отношения «нормальные и цивилизованные», позитивные, основанные на праве, нормативных правовых актах, юридических нормах. Иными словами, мы должны будем утверждать, что право регулирует уже упорядоченные явления и процессы, тут же задавая вопрос о том,

¹⁶ Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 231, 232.

¹⁷ См., напр.: Певцова Е.А. Правовое поведение и правовая активность личности // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2014. № 5. С. 93–98; Булавкин А.А., Васильков М.А., Самыгин П.С. Правовое присваивающее поведение в современном российском обществе: социально-правовые характеристики и пути преодоления. М., 2016; Лысенко В.А., Рязанова Н.А. Правовое поведение сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие. Белгород, 2018; Тетерятников Н.Ю., Демидова И.А., Чугаев В.В., Овсянников П.Ю. Правовое поведение и юридическая ответственность: учеб. пособие. Красноярск, 2020. С. 12–21.

¹⁸ См., напр.: Матузов Н.И. Указ. соч. С. 112, 113.

¹⁴ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 141.

¹⁵ Там же. С. 145.

что в таком обществе, где доминирует «порядок», есть ли нужда в праве как регуляторе, если общественные отношения в регламентации вовсе не нуждаются (поскольку все это уже и так «нормальное и цивилизованное»).

Однако такое понимание иллюзорно, и как бы мы ни желали думать, что социально-правовая жизнь — это исключительно порядок и благоденствие для всех участников, в реальности это далеко не так. Социальная жизнь характеризуется не только фактами следования позитивным (правовым) социальным нормам, но и фактами отступления от них, которых в реальной действительности очень много, в связи с чем немалая часть правовой системы (со всеми ее уровнями и атрибутами), как это может быть ни парадоксально, представляет собой «материализацию» именно социальных отклонений. Как верно отметил Н. Винер, «проблемы права... представляют собой проблемы упорядоченного и повторяющегося управления известными критическими состояниями»¹⁹. В правовой науке, подвергая анализу норму права, уже давно пришли к выводу, что несмотря на то, что правовые нормы всех трех видов (дозволяющие (управомочивающие), обязывающие и запрещающие) ориентируют индивида, подсказывают ему разумные, оптимальные и одобряемые варианты поведения, тем самым они предотвращая хаос и нерациональность многих социальных действий людей, способствуя введению общественных отношений в известное позитивное, социально полезное русло, преимущественно снабжены негативной санкцией, а это означает не что иное, как то, что правовые нормы предполагают возможность нарушения в такой же степени, в какой и соблюдение. Более того, сам факт описания в норме прав и обязанностей различных лиц, а также существование особых процессуальных норм, регулирующих помимо прочего порядок защиты права, оспаривания или притязания, склоняет к мысли о «конфликтном» предназначении нормы²⁰. Значит, не было бы критических состояний — не было бы и нужды в общеобязательных правилах поведения. К какой же сфере в таком случае отнести сами эти «критические состояния» — к «правовой» или к «неправовой»? В последнем случае мы пришли бы к явному противоречию — неправовое содержание составляет основную часть правовых норм. Вряд ли перспективно вступать в противоречие с логикой строения правовой реальности (жизни) вообще,

которая генерируется вокруг разных энергетических сред, имеющих в основе не только «плюс», но и «минус».

Вывод из этих размышлений очевиден. Право: а) создается для фиксации круга социальных отношений, которые нужны обществу, обеспечивая его функционирование и прогрессивное развитие, поддерживает их (регулятивная функция); б) присущими ему средствами воздействует на нежелательные явления, обозначает отношения вредные либо опасные для общества, оказывает на них ограничивающее воздействие и способствует либо трансформации их в правомерные, либо устранению из жизни общества (охранительная функция).

Таким образом, *правовое* — это абсолютно все общественные явления, весь комплекс положительных и отрицательных (солидарных и конфликтных) социальных отношений (тенденций, процессов, поведения людей и их объединений и т.п.), функционирование и развитие которых так или иначе опосредовано нормами права.

В данную часть общественного пространства — правовое пространство — включены две разнохарактерные, разнонаправленные части.

1. Позитивные, упорядоченные, правомерные процессы и отношения. Это — основная, наиболее обширная часть социально-правового пространства, «внутренне организованная, динамичная целостность, состоящая из процессов и действий, ведущих к образованию и совершенствованию правовых явлений и взаимосвязей между ними»²¹. Данная часть правового пространства характеризуется через соответствующий понятийный аппарат, ряд понятий, отражающих нормативно-упорядоченный характер этой обширной сферы: «право», «законодательство», «нормативные правовые акты», «правопорядок», «система права», «законность», «дисциплина», «норма права» и т.п.

Из сказанного следует, что в данном случае речь идет о правовой системе. Именно она и образует основную, наиболее объемную часть правового пространства, правовой порядок, упорядоченный комплекс общественных отношений. По отношению ко всему правовому пространству общества правовая система, прежде всего, выполняет организующую функцию, придает единство и целостность, вносит правомерные начала, задает критерии «должного», хотя и предусматривает арсенал средств противодействия возможным социально-правовым отклонениям. В правовой системе заложен действенный организующий механизм, имеется упорядочивающий потенциал, способный

¹⁹ Винер Н. Кибернетика и общество. Творец и робот. М., 2003. С. 104.

²⁰ См.: Кудрявцев Ю.В. Действие социальной нормы // Социальные отклонения. М., 1989. С. 88.

²¹ Кухарук Т.В. Правовая система и систематика законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 10.

культивировать в обществе законность, дисциплину, правопослушание.

2. Другую неотъемлемую часть социально-правового пространства образуют отрицательные, негативные явления, процессы, отношения, которые определяются правовыми нормами как вредные либо опасные для общества. Это по своему характеру тоже правовые феномены, но не согласующиеся с нормами права, правовые (но не правомерные) явления со знаком минус. Данный комплекс правовых отношений – негативно-правовой.

Та же часть общественных явлений, которая не опосредована правом, находится под воздействием социальных правил иной, не правовой природы (нормы морали, религиозные, технические и т.п. нормы), они образуют *внеправовое пространство* – совокупность явлений, не включенных в сферу права. Этот (внеправовой) социальный сегмент функционирует и развивается вне правового, т.е. опосредованного правом пространства.

Казалось бы, в данных рассуждениях и сделанных на их основе умозаключениях все достаточно логично, методологически и теоретически выверено. Так почему же эти теоретические положения, постепенно приобретая новых сторонников, тем не менее не становятся общепризнанными? Почему процесс переосмысления, обновления юридической доктрины идет медленно, темпами, которые никак не могут быть признаны достаточными для нынешнего времени?

Главное препятствие на пути выработки новых подходов к совершенствованию механизма правового регулирования общественных отношений, по нашему убеждению, имеет теоретико-методологическое основание – отождествление правового с правильным, нормальным, цивилизованным, одобряемым. Для отечественного правоправедения это традиционная, привычная и распространенная концепция. Да и в других государствах она немало распространена. Такая позиция превалирует в сознании многих авторов и преодолевается очень трудно во многом потому, что существует давно и опирается на философско-правовые традиции, многие носители и распространители которых убеждены, что право есть сугубо правильное образование, непогрешимая, а потому неприкасаемая ценность, абсолютное благо. А потому все, что порождено правом, все, что с ним связано – тоже благо.

А. Кауфман, в частности, писал, что «право – это не то, что содержится в нормах, не абстрактная схема для правильных действий, оно само является правильным действием и правильным решением в конкретной ситуации»²².

²² Kaufmann A. Rechtsphilosophie im Wandel: Stationen eines Weges. Frankfurt n/M., 1972. S. 131.

С.И. Максимов, исходя из данного положения, отмечает, что «наиболее конкретной (развитой) формой бытия права являются правильные действия и решения в конкретной ситуации самого субъекта. В них смысл права и предметная форма воплощения даны в единстве»²³. При этом автор ссылается на идеи Фомы Аквинского, который, рассуждая о сущности права, указывал, что право есть «собственно справедливое дело»²⁴. И далее С.И. Максимов развивает свою мысль о «каждом правовом решении» как о «правильном, истинном»²⁵.

Глупо было бы оспаривать данные умозаключения. В них все верно. В то же время очевидно, что как названные ученые, так и многие их сторонники сосредоточивают внимание лишь на одной из сторон правового пространства – правомерной, позитивной его части. Между тем, как было показано выше, право в процессе своего действия, работающее право, вовлекает в сферу своего влияния не одни только упорядоченные, позитивные явления и процессы общественной жизни. Протиправные, негативные явления также включены в орбиту действия права, на них в не меньшей, если не большей, степени право распространяет свое влияние, свой инструментарий.

На основании вышеизложенного возможным выводом становится положение о том, что действующая юридическая доктрина, выраженная схемой «право → правовая система» не в состоянии охватить весь комплекс социально-юридических явлений, процессов, отношений. В правовом пространстве присутствует широкий круг проявлений юридического характера (состояний, видов деятельности, субъектов, взаимодействий и т.п.), которые по объективным причинам не могут быть включены в правовую систему. Данная категория недостаточно объемна, чтобы отразить абсолютно все социально-правовое пространство. По своей сути и своему предназначению правовая система и не должна охватывать всю правовую действительность.

Иными словами, в современных реалиях категория «правовая система» и основанная на ней юридическая доктрина уже не может охватить весь наличный аналитический материал; очевидна потребность в обновленной концепции. Данная проблема может быть решена с помощью категории «правовая жизнь».

²³ Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002. С. 184.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 187.

По нашему мнению, *правовая жизнь общества*²⁶ — это форма социальной жизни, выражающаяся преимущественно в правовых актах и правоотношениях (в т.ч. негативных), характеризующая специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов.

Правовая жизнь как социальная реалья и научная категория может быть охарактеризована следующими существенными признаками, которые обосновывают, что именно на ее основе можно обновить, осовременить юридическую доктрину.

1. Правовая жизнь — составная часть и особая разновидность общественной жизни. Ее фундаментом, основой является право как социальный институт, приспособленный к особенностям жизни конкретного народа. В силу этого правовая жизнь охватывает весь комплекс юридических явлений и факторов, которые влекут за собой те или иные юридические последствия. Правовые акты и соответствующие отношения обособляют юридическую часть жизни общества, занимают особое место в системе социальных актов и связей.

2. Правовая жизнь непосредственно сопряжена с юридическими предписаниями (правилами поведения) и с соответствующими последствиями точно так же, как социальная жизнь в целом характеризуется неперенным наличием «социальных норм вообще, т.е. различного рода правил, регулирующих распорядок совместной жизни людей, их взаимные отношения»²⁷. Если правовая жизнь в любом случае связана с юридическими нормами, то, безусловно, в идеале она должна соответствовать этим нормам.

3. Правовая жизнь в качестве своей фундаментальной основы имеет объективно выраженное право по отношению к обществу, базируется на «объективном значении права».

4. Правовая жизнь — необходимое условие функционирования государственной организации общества; именно в рамках правовой жизни личность, государство и все общество получают возможность вести соответствующим образом оформленную жизнь.

5. Правовая жизнь имеет духовные корни, является частью духовной практики народа, в которой явственно проявляются национальные

²⁶ См., напр.: Малько А.В., Пономаренков В.А., Кроткова Н.В. Обзор Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Актуальные проблемы правоведения» по теме «Правовая жизнь общества и средства ее упорядочения» // Государство и право. 2017. № 9. С. 105–112.

²⁷ Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914. С. 38.

особенности, специфика той или иной нации, ее менталитет.

6. Правовая жизнь может успешно развиваться только в тесной взаимосвязи с другими видами социальной жизни, прежде всего, — с жизнью экономической и политической, по отношению к которым правовая жизнь выступает в виде специфической формы. В то же время она сама способна влиять на экономику и политику, оказывать на все иные сферы жизни общества стимулирующее либо ограничительное (сдерживающее) воздействие. Получается, как видим, что юридические факторы соотносятся с экономическими и политическими как форма и содержание, а потому недостаточно было бы исследовать правовую жизнь отдельно от других (неюридических) факторов.

7. Состояние правовой жизни есть критерий оценки уровня правового развития данного общества и государства, отношения социальных субъектов к праву, а также степени удовлетворения их интересов. Правовая жизнь того или иного общества по своей сути непосредственно произрастает из сложившегося в нем юридического опыта, а такого рода опыт (его дальнейшее накопление) в то же время является определенным результатом развития процессов правовой жизни.

8. Правовая жизнь — не система, а совокупность различных форм юридического бытия общества, охватывающая собой: а) нормальные, упорядоченные, цивилизованные явления и отношения; б) неупорядоченные, рассогласованные процессы (например, правонарушения); в) случайные явления, спонтанные факторы.

9. Правовая жизнь — сфера общественной жизни, в пределах которой реализуется регулятивно-охранительный потенциал права, его энергия, проявляется его творческое влияние. Здесь же, в этом же пространстве осуществляется в различных формах как правомерная, так и противоправная, неправомерная деятельность (активность) субъектов, которые действуют (конфликтуют и сотрудничают) в различных ипостасях: работодателей и работников, руководителей и подчиненных, пострадавших и преступников, судей и адвокатов, прокуроров и подсудимых и т.д. Все эти виды деятельности — правовые, осуществляются в правовой жизни общества.

10. Содержание правовой жизни составляют все юридические явления, существующие в обществе: и позитивные (право, правовая система, механизм правового регулирования, законные правовые акты, юридические средства, правоотношения и юридическая практика, правосознание и правовая культура, законность и правопорядок, юридическая наука и образование и т.д.), и негативные (преступления и другие правонарушения, их

субъекты, криминальные структуры, коррупция, злоупотребления, деформации правосознания, ошибки в праве и т.д.).

* * *

Таким образом, категория «правовая жизнь» вполне может служить ответом юридической науки на сложноразвивающуюся и противоречивую действительность. Именно концепция правовой жизни во многом может стать основой юридической доктрины в Российской Федерации. Данное закономерное развитие юридической мысли схематично может быть выражено следующим образом: «право → правовая система → правовая жизнь» (от отдельного явления к более сложному – целостной системе, и от нее к самому сложному – совокупной разнообразной жизнедеятельности, опосредованной феноменом «правового»).

Особое неприятие у наших оппонентов вызывает предложение о придании понятию «правовая жизнь» статуса самостоятельной научной теоретико-правовой категории. Так, В.М. Баранов отвергает данное понятие, считая его необоснованным и не обладающим специфическим содержанием, достаточным для придания специального научного статуса²⁸.

Одним из основных доводов в пользу своей точки зрения В.М. Баранов указывает на то, что есть понятия, которые якобы не менее широки и не менее «вместительны» в сравнении с правовой жизнью. Он имеет в виду такие понятия, как «бытие права», «правовая среда», «правовая действительность», «правовая реальность», «правовая сфера».

Вряд ли данное утверждение соответствует действительности. Да, все эти понятия используются в научных трудах, но не как научные категории, а в качестве обыденных выражений, не имеющих научного категориального статуса. Предполагаем, что в ответ на данное замечание услышим, что и правовая жизнь не обладает таким статусом. Да, это так. Однако, по нашему мнению, «правовая жизнь» обладает достаточной «вместимостью», широтой, что позволяет ей, в отличие от иных схожих понятий, реально быть предельно объемной научной категорией, способной охватить и само право, и его реализацию, и теневой, т.е. негативно-правовой, сегмент.

Современное общество, отягощенное и внутренними проблемами, и глобальными вызовами времени, уже давно испытывает потребность в обновленных теоретических концепциях, научных категориях, способных реагировать на те вызовы, которые уже проявились, и те, которые возникнут

(могут возникнуть) в будущем. Нужны теоретические разработки, позволяющие дать адекватное реалиям объяснение тем или иным процессам, выработать механизмы решения новых проблем. Не должна стоять в стороне и юридическая наука, которая также нуждается в новых видах «научного оружия» – обобщающих понятиях.

Есть достаточно веские основания предположить, что оказать действенную помощь обществу в решении стоящих перед ним задач юридическая наука сможет, если в ее арсенале появится категория «правовая жизнь».

Правовой она называется вовсе не потому, что эта жизнь правильная, нормальная, цивилизованная, а потому, что всесторонне опосредуется правом, как категория позволяет охватить исследовательским взором всю правовую действительность – как позитивную, так и негативную, изучать как плюсы в правовом развитии и поведении субъектов, так и минусы, вырабатывать способы борьбы с отрицательными явлениями.

Категория «правовая жизнь» позволяет исследовать юридические явления комплексно и целостно, воспринимать их в реальном состоянии, со всеми позитивами и негативами, сильными и слабыми сторонами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асланян Н.П.* Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы // Известия Иркутской гос. экономической академии. 2012. № 5. С. 100–108.
2. *Баранов В.М.* Теневое право. Н. Новгород, 2002. С. 22–24.
3. *Баранов В.М.* Теневое право как антиюридическая жизнь // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. 2014. № 4 (28). С. 9–21.
4. *Бачинин В.А.* Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2001. № 5. С. 14–20.
5. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. М., 2000. С. 36.
6. *Булавкин А.А., Васьков М.А., Самыгин П.С.* Правовое присваивающее поведение в современном российском обществе: социально-правовые характеристики и пути преодоления. М., 2016.
7. *Винер Н.* Кибернетика и общество. Творец и робот. М., 2003. С. 104.
8. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / пер. с нем.; ред. и сост.: Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц. М., 1990. С. 139–145.

²⁸ См.: *Баранов В.М.* Теневое право. Н. Новгород, 2002. С. 22–24.

9. *Затонский В.А., Малько А.В.* Категория «правовая жизнь»: опыт теоретического осмысления // Правоведение. 2006. № 4. С. 4–17.
10. *Затонский В.А.* Правовая политика, правовая жизнь и проблема уяснения правового и неправового в поведении социальных субъектов // Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики / под ред. А.В. Малько. М., 2016. С. 25–46.
11. *Кудрявцев Ю.В.* Действие социальной нормы // Социальные отклонения. М., 1989. С. 88.
12. *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 231, 232.
13. *Кухарук Т.В.* Правовая система и систематика законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 10.
14. *Лазарев В.В., Липень С.В.* Теория государства и права: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 230.
15. *Личман Б.В.* Многоконцептуальность методологии российской юриспруденции // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 2. С. 60–67.
16. *Лысенко В.А., Рязанова Н.А.* Правовое поведение сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие. Белгород, 2018.
17. *Максимов С.И.* Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002. С. 184, 187.
18. *Малько А.В., Затонский В.А.* «Правовая жизнь и «правовая система»: соотношение понятий // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 6–20.
19. *Малько А.В., Пономаренков В.А., Кроткова Н.В.* Обзор Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Актуальные проблемы правоведения» по теме «Правовая жизнь общества и средства ее упорядочения» // Государство и право. 2017. № 9. С. 105–112.
20. *Малько А.В., Трофимов В.В.* «Правовая жизнь» в категориальном строе юриспруденции: проблемы введения и некоторые методологические аспекты исследования // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 4. С. 8–18.
21. *Малько А.В., Трофимов В.В.* Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации. М., 2018.
22. *Малько А.В., Трофимов В.В.* Правовая жизнь общества как объект теории права (к постановке проблемы) // Государство и право. 2017. № 5. С. 39–50.
23. *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 112, 113.
24. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учеб. 4-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 139.
25. *Михайловский И.В.* Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914. С. 38.
26. *Морозов А.С.* Правовое и религиозное поведение в пенитенциарной сфере: теоретический аспект. Новокузнецк, 2018. С. 20.
27. *Оксамытный В.В.* Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. С. 61.
28. *Панченко П.Н.* Правовое поведение в условиях правового государства и распространенные ошибки и нарушения, допускаемые при применении в отношении закона // Право и государство: теория и практика. 2012. № 7 (91). С. 8.
29. *Певцова Е.А.* Правовое поведение и правовая активность личности // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2014. № 5. С. 93–98.
30. Правовая система социализма: в 2 кн. / под ред. А.М. Васильева. Кн. 1: Понятие, структура, социальные связи. М., 1986. С. 32; кн. 2: Функционирование и развитие. М., 1987.
31. *Самигуллин В.К.* Право и неправо // Государство и право. 2002. № 3. С. 5–8.
32. *Скоробогатов А.В., Краснов В.А.* Правовое поведение как феномен правовой реальности // Правовая культура. 2017. № 1 (28). С. 25–35.
33. *Суслин Э.В., Рыбин Д.В.* Теория государства и права: учеб. пособие. СПб., 2018. С. 94–96.
34. *Тепляшин И.В.* Становление российской правовой государственности и правовая активность граждан // Журнал рос. права. 2002. № 1. С. 39.
35. *Тетерятников Н.Ю., Демидова И.А., Чугаев В.В., Овсянников П.Ю.* Правовое поведение и юридическая ответственность: учеб. пособие. Красноярск, 2020. С. 12–21.
36. *Трофимов В.В.* О методологическом потенциале категорий «правовая жизнь» и «правовая система» // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 20–31.
37. *Цыбулевская О.И.* Право и правовая система // Общая теория государства и права: учеб. / под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касяевой. Саратов, 2018. С. 86–89.
38. *Черных Е.Н.* Категория «правовая жизнь»: вопросы методологии // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 8–15.
39. *Шабуров А.С., Жайкбаев Ж.С.* Теория государства и права: учеб. пособие. Курган, 2019. С. 144.
40. *Шундигов К.В.* Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 44.
41. *Kaufmann A.* Rechtsphilosophie im Wandel: Stationen eines Weges. Frankfurt n/M., 1972. S. 131.

REFERENCES

1. *Aslanyan N.P.* The concept of legal reality: setting a civil problem // Proceedings of the Irkutsk state Academy of Economics. 2012. No. 5. P. 100–108 (in Russ.).
2. *Baranov V.M.* Shadow law. N. Novgorod, 2002. P. 22–24 (in Russ.).
3. *Baranov V.M.* Shadow law as an anti-legal life // Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia // Legal science and practice. 2014. No. 4 (28). P. 9–21 (in Russ.).
4. *Bachinin V.A.* Wrong (negative law) as a category and social reality // State and Law. 2001. No. 5. P. 14–20 (in Russ.).
5. *Bergel J.-L.* General theory of law / under the General editorship of V.I. Danilenko. M., 2000. P. 36 (in Russ.).
6. *Bulavkin A.A., Vaskov M.A., Samygin P.S.* Legal appropriating behavior in modern Russian society: socio-legal characteristics and ways of overcoming. M., 2016 (in Russ.).
7. *Wiener N.* Cybernetics and society. The Creator and the robot. M., 2003. P. 104 (in Russ.).
8. *Hegel G.V.F.* Philosophy of Law / transl. from German; ed. and comp.: D.A. Kerimov, V.S. Nersesyants. M., 1990. P. 139–145 (in Russ.).
9. *Zatonsky V.A., Mal'ko A.V.* Category “legal life”: experience of theoretical understanding // Jurisprudence. 2006. No. 4. P. 4–17 (in Russ.).
10. *Zatonsky V.A.* legal policy, legal life and the problem of understanding the legal and non-Legal in the behavior of social subjects // Legal life of society: problems of theory and practice / under the editorship of A.V. Mal'ko. M., 2016. P. 25–46 (in Russ.).
11. *Kudryavtsev Yu. V.* The effect of social norms // Social deviance. M., 1989. P. 88 (in Russ.).
12. *Kudryavtsev V.N.* Legal behavior: norm and pathology. M., 1982. P. 231, 232 (in Russ.).
13. *Kukharuk T.V.* Legal system and the systematization of legislation: author. dis. ... PhD in Law. SPb., 1998. P. 10 (in Russ.).
14. *Lazarev V.V., Lipen' S.V.* Theory of state and law: Textbook. 4th ed., reprint. M., 2011. P. 230 (in Russ.).
15. *Lichman B.V.* Multi-Conceptuality of the methodology of Russian jurisprudence // Herald of the Ural Institute of Economics, management and law. 2013. No. 2. P. 60–67 (in Russ.).
16. *Lysenko V.A., Ryazanova N.A.* Legal behavior of employees of internal Affairs bodies: Textbook. Belgorod, 2018 (in Russ.).
17. *Maksimov S.I.* Legal reality: the experience of philosophical understanding. Kharkiv, 2002. P. 184, 187 (in Russ.).
18. *Mal'ko A.V., Zatonsky V.A.* “Legal life” and “legal system”: correlation of concepts // Legal policy and legal life. 2006. No. 2. P. 6–20 (in Russ.).
19. *Mal'ko A.V., Ponomarenkov V.A., Krotkova N.V.* Review of all-Russian scientific conference in the form of “Round Table” journals “State and Law”, “Legal policy and legal life”, “Actual problems of jurisprudence” on topic “Legal life of society and the means of its ordering” // State and Law. 2017. No. 9. P. 105–112 (in Russ.).
20. *Mal'ko A.V., Trofimov V.V.* “Legal life” in the categorical structure of jurisprudence: problems of introduction and some methodological aspects of research // Legal policy and legal life. 2014. No. 4. P. 8–18 (in Russ.).
21. *Mal'ko A.V., Trofimov V.V.* Legal life of society as object of legal policy in conditions of globalization and regionalization. M., 2018 (in Russ.).
22. *Malko A.V., Trofimov V.V.* Legal life of society as an object of theory of law (problem statement) // State and Law. 2017. No. 5. P. 39–50 (in Russ.).
23. *Matuzov N.I.* Actual problems of the theory of law. Saratov, 2003. P. 112, 113 (in Russ.).
24. *Matuzov N.I., Mal'ko A.V.* Theory of state and law: Textbook. 4th ed., rev. M., 2016. P. 139 (in Russ.).
25. *Mikhailovsky I.V.* Essays on the Philosophy of Law. Vol. 1. Tomsk, 1914. P. 38 (in Russ.).
26. *Morozov A.S.* Legal and religious behavior in the penitentiary sphere: a theoretical aspect. Novokuznetsk, 2018. P. 20 (in Russ.).
27. *Oxamytny V.V.* Lawful behavior of the individual (theoretical and methodological problems): dis. ... Doctor of Law. Kiev, 1990. P. 61 (in Russ.).
28. *Panchenko P.N.* Legal behavior under the rule of law and common mistakes and violations made when applying the law // Law and state: theory and practice. 2012. No. 7 (91). P. 8 (in Russ.).
29. *Pevtsova E.A.* Legal behavior and legal activity of the individual // Fundamental and applied research of the cooperative sector of the economy. 2014. No. 5. P. 93–98 (in Russ.).
30. The legal system of socialism: in 2 books / ed. by A.M. Vasil'ev. Book 1: The concept, structure, and social relations. M., 1986. P. 32; book 2: Functioning and development. M., 1987 (in Russ.).
31. *Samigullin V.K.* Law and wrong // State and Law. 2002. No. 3. P. 5–8 (in Russ.).
32. *Skorobogatov A.V., Krasnov V.A.* Legal behavior as a phenomenon of legal reality // Legal culture. 2017. No. 1 (28). P. 25–35 (in Russ.).
33. *Suslin E.V., Rybin D.V.* Theory of state and law: textbook. stipend. SPb., 2018. P. 94–96 (in Russ.).

34. *TePLYashin I.V.* Formation of the Russian legal state and legal activity of citizens // Journal of Russian law. 2002. No. 1. P. 39 (in Russ.).
35. *Teteryatnikov N. Yu., Demidova I.A., Chugaev V.V., Ovsyannikov P. Yu.* Legal behavior and legal responsibility: Textbook. Krasnoyarsk, 2020. P. 12–21 (in Russ.).
36. *Trofimov V.V.* On the methodological potential of the categories “legal life” and “legal system” // Legal policy and legal life. 2006. No. 2. P. 20–31 (in Russ.).
37. *Tsybulevskaya O.I.* Law and the legal system // General theory of state and law: Textbook / ed. by S. Yu. Naumov, A.C. Mordovets, T.V. Kesaeva. Saratov, 2018. P. 86–89 (in Russ.).
38. *Chernykh E.N.* Category “legal life”: questions of methodology // Legal policy and legal life. 2014. No. 3. P. 8–15 (in Russ.).
39. *Shaburov A.S., Janbaev J.S.* Theory of state and law: Textbook. Kurgan, 2019. P. 144 (in Russ.).
40. *Shundikov K.V.* Synergetic approach in law. Problems of methodology and experience of theoretical application. M., 2013. P. 44 (in Russ.).
41. *Kaufmann A.* Rechtsphilosophie im Wandel: Stationen eines Weges. Frankfurt n/M., 1972. S. 131.

Сведения об авторах

МАЛЬКО Александр Васильевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции; 410003 Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Радищева А.Н., д. 55

ТРОФИМОВ Василий Владиславович — доктор юридических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина; 392008 г. Тамбов, ул. Советская, д. 181б

ЗАТОНСКИЙ Виктор Александрович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук; 410028 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135

Authors' information

MAL'KO Alexander V. — Doctor of Law, Professor, honored worker of science of the Russian Federation, Professor of the Department of state and legal disciplines of the Volga region Institute (branch) All-Russian state University of justice; 55 named of Radishchev A.N. str., 410003 Saratov region, Saratov, Russia

TROFIMOV Vasily V. — Doctor of Law, associate Professor, Director of Research Institute state-legal research of Derzhavin Tambov state University; 181b Sovetskaya str., 392008 Tambov, Russia

ZATONSKY Viktor A. — PhD in History, associate Professor, senior researcher of the Saratov branch at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 135 Chernyshevskogo str., 410028 Saratov, Russia